

ЦВЕТОК ДЛЯ КОРОЛЯ

Веги средневековой истории геральдической лилии

Не избегают ли историки геральдических лилий? Научная литература, посвященная лилии, настолько скудна, что вопрос этот вполне закономерен. Речь тем не менее идет о подлинно историческом объекте — политическом, династическом, художественном, эмблематическом и символическом одновременно. Однако объект этот далеко не нейтрален, и в конечном итоге недоверчивое отношение к нему со стороны историков и археологов было вызвано тем, что его изучение во Франции после установления Республики могло спровоцировать идеологические разногласия и раскол в обществе. Даже специалисты в области геральдики — хотя такого рода исследования являются именно их прерогативой — проявили нерешительность и до сих пор еще не посвятили этой гербовой фигуре и символу французской монархии обобщающего труда, которого мы от них по праву ждем¹⁹⁰.

Между тем в источниках недостатка нет: с XII по XIX столетие геральдическая лилия встречается повсюду — на всевозможных предметах, произведениях искусства и памятниках — и ставит перед историком разнообразные и непростые вопросы. Кроме того, ученые дореволюционной Франции, в частности Жан-Жак Шифле¹⁹¹ и Севоль де Сент-Март¹⁹², а также выдающийся Шарль Дюканж¹⁹³ уже в какой-то мере приступили к изучению вопроса и собрали многочисленные факты. Их труды, пусть и устаревшие, подчас наивные, все-таки стоят выше работ ученых XIX¹⁹⁴ — начала XX веков, легко берущихся писать на любую тему. Последним геральдическая лилия часто давала пищу для поли-

тического активизма¹⁹⁵, крайнего позитивизма¹⁹⁶, жонглирования пространственно-временными категориями¹⁹⁷ или эзотерических бредней¹⁹⁸. Конечно, это все тоже документы истории — истории XIX и XX веков, — однако медиевистам пора вновь заняться исследованиями и изучением материала, который следует рассмотреть в свете новой проблематики, чтобы в ближайшем будущем мы смогли прочесть по истории этого династического цветка такие же серьезные и плодотворные работы, как работы по истории английского леопарда или германского орла, которыми мы ныне располагаем.

Цветок Богородицы

Большинство авторов, рассуждавших об изобразительных истоках геральдической лилии, сходятся во мнении, что она имеет мало общего с настоящей лилией, однако расходятся в предположениях, от чего же она все-таки происходит — от ириса, дрока, лотоса или утёсника; или же — согласно более экстравагантным гипотезам — она представляет собой трезубец, наконечник стрелы, секиру или даже голубя или солнце¹⁹⁹. На мой взгляд, споры эти довольно бесполезны, хотя ученые и потратили на них не одно десятилетие. Главное, что следует понять, — это то, что мы имеем дело со стилизованной фигурой, несомненно цветком или растительным мотивом, и что эта фигура использовалась в качестве орнаментального мотива или эмблематического атрибута во многих обществах. Действительно, она встречается как на месопотамских цилиндрических печатях, египетских барельефах и микенской керамике, так и на галльских монетах, сасанидских тканях, индейской одежде и японских «гербах». Но вот символическое значение этого цветка меняется от культуры к культуре. Иногда это символ чистоты и непорочности, иногда образное выражение плодородия и пропитания, иногда знак власти и господства. Все три символических значения сливаются в средневековой геральдической лилии, одновременно связанной с непорочностью, плодovitостью и господством.

Самые древние примеры лилий, напоминающих те, что встречаются в средневековой Западной Европе, можно увидеть на ассирийских печатях и барельефах в третьем тысячелетии до

нашей эры. Лилии украшают тиары, ожерелья и скипетры, и уже тогда, по всей видимости, играют роль царских атрибутов²⁰⁰. Лилии, которые несколько позже встречаются на Крите, в Индии и в Египте, вероятно, имеют аналогичное значение. Кроме того, в Египте этот цветок иногда является эмблемой южных провинций (тогда как папирус — северных) и считается символом плодородия и богатства²⁰¹. Позже мы встречаем лилию на ряде греческих, римских и галльских монет. Но если в двух первых случаях речь и идет о более или менее четко прорисованном цветочном мотиве, то в последнем случае это уже настоящая «геральдическая» лилия, графически весьма напоминающая те, что гораздо позднее появятся на средневековых гербах. Так, на реверсе некоторых арвернских статеров — монет I века до н. э. — представлены великолепные образцы догеральдической лилии. Играет ли она на этой монете исключительно орнаментальную роль? Является ли федеративной эмблемой могущественного племени центральной Галлии? Или же имеет символическое значение, связанное с идеей независимости или даже господства? На эти вопросы ответить трудно, так как мы не располагаем достаточными знаниями о чеканке монет в Арвернии и о галльской и галло-римской денежной символике вообще. Кроме того, датировку этих великолепных статеров можно установить только с погрешностью в пятьдесят лет. А мотив, который представлен на аверсе монет — под копытами стилизованного коня, — до сих пор не идентифицирован²⁰².

Сохраняя значение королевского атрибута, лилия в период раннего Средневековья приобретает отчетливый религиозный смысл, главным образом христологический. Истоки его обнаруживаются в стихе Песни песней, который много раз цитировали и толковали Отцы Церкви и теологи²⁰³: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!» (Песн 2:1). До XIII века Христа нередко изображают в окружении лилий или геральдических лилий²⁰⁴. Однако после 1000 года к этому христологическому значению постепенно присоединяется символика, связанная с распространением культа Девы Марии, с которой отныне ассоциируют следующий стих Песни песней: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (Песн 2:2), а также многочисленные примеры из Писания и комментариев Отцов Церкви, где лилия представлена как символ чистоты и непорочности. В феодальную

эпоху стало считаться, что Мария освобождена от первородного греха²⁰⁵. Это еще не догмат о непорочном зачатии — который окончательно будет закреплен только в XIX веке, — но уже некая традиция, приписывающая Марии атрибуты, имеющие самое непосредственное отношение к идее чистоты.

Мало-помалу лилия становится в иконографии основным символом Девы Марии. Самые ранние свидетельства этого мы обнаруживаем в нумизматике: на ряде монет XI и XII веков, выпущенных епископами, настоятелями кафедральных церквей, посвященных Богородице, на аверсе или на реверсе изображены лилии. Затем изображение Девы Марии с цветком лилии в правой руке встречается на печатях капитулов тех же храмов: Нотр-Дам в Париже с 1146 года²⁰⁶, Нотр-Дам в Нойоне в 1174 году²⁰⁷, Нотр-Дам в Лане в 1181 году²⁰⁸. Капитулам тут же стали подражать аббатства и приоры, находящиеся под покровительством Девы Марии²⁰⁹. В конце XII и в начале XIII века Мария в иконографических источниках изображается с лилиями или в пышном окружении лилий. Внешний вид этих лилий существенно варьируется, но их эмблематическое и символическое значение остается неизменным. Иногда это просто декоративный цветочный мотив, иногда натуралистично изображенные садовые лилии, а иногда уже самые настоящие геральдические лилии — в последнем случае цветок помещен на скипетр или на венец, или же рассеян по поверхности мантии. В XIII веке распространенность лилии в качестве атрибута Девы Марии достигла, пожалуй, своего апогея. В позднее Средневековье в живописных и скульптурных изображениях лилия встречается реже, и роза начинает составлять ей конкуренцию. Цветок любви одерживает верх над цветком непорочности, что само по себе является важным свидетельством того, в каком направлении стал далее развиваться культ Богородицы²¹⁰.

Королевский цветок

Когда и при каких обстоятельствах короли Франции остановили свой выбор на лилии, сделав ее геральдической эмблемой, и какой смысл они ей придавали — все эти вопросы стали предметом широкого обсуждения. Некоторые поэты затрагивают эти темы в своих стихах начиная со второй половины XIII века²¹¹,

а на протяжении всего следующего столетия авторы различных литературных произведений²¹² (стремясь легитимировать права на трон новой династии Валуа²¹³) объясняют — как в 1371–1372 годах это делает Рауль де Прель в своем вступлении к переводу «Града Божьего» святого Августина, — что король Франции «носит герб из трех лилий в знак восхваления святой Троицы; через Божьего ангела они были посланы Хлодвигу, первому христианскому королю [...] и было ему сказано стереть со своего щита герб с тремя жабами и заменить его на три лилии²¹⁴».

Легенда о том, что три лилии заменили первоначальный герб с тремя жабами, была широко распространена до конца XVI века²¹⁵. С этого момента лилии понимаются не как выражение трех добродетелей — Веры, Мудрости и Рыцарства (такое толкование давали трем лепесткам цветка в эпоху Людовика Святого (1226–1270) и во время правления Филиппа Красивого (1285–1314)²¹⁶), а как символ самой Троицы, покровительствующей французскому королевству. Они были якобы посланы Хлодвигу, королю-основателю французской монархии, с Небес в момент обращения его в христианство и вскоре были помещены им на герб вместо жаб²¹⁷ — фигур откровенно дьявольских, которые были будто бы изображены на его гербе до крещения. В некоторых версиях легенды (времен крестовых походов) вместо жаб появляются полумесяцы — фигуры уже не дьявольские или языческие, а мусульманские²¹⁸.

Этой легенде была суждена долгая жизнь. Несмотря на то, что ученые XVII века посеяли сомнения в ее достоверности, она по-прежнему встречается в сочинениях историков XIX века, которые пытались отыскать в ней историческую правду²¹⁹. Сегодня, однако, мудрое суждение ученых Старого режима представляется неоспоримым. До середины XII века гербов в Европе не существовало, а король Франции был далеко не первым властителем, который стал использовать герб²²⁰. Только в 1211 году на печати капетингского принца появляется знаменитый гербовый щит, усеянный лилиями (*илл. 13*). Да и в этом случае речь идет не о самом короле Филиппе Августе, а лишь о его старшем сыне, принце Людовике, будущем короле Людовике VIII (1223–1226)²²¹.

На самом деле в середине XII века, когда в Англии, Шотландии, Франции, Нидерландах, в долине Рейна, в Швейцарии и северной Италии появляются гербы и формируется геральдиче-

ская система, лилия еще не связана с французской монархией никакими особыми отношениями. Как мы видели, этот цветок является одновременно древнейшим символом господства — и в этом качестве его издавна использовали большинство западных королей²²² — и атрибутом Богородицы, в каком-то смысле он стал восприниматься позднее. И возможно, происхождение геральдической лилии капетингских королей следует связывать именно с религиозным контекстом. Под влиянием Сугерия²²³ и святого Бернарда²²⁴ — двух прелатов, которые сами посвятили себя служению Деве Марии и приложили все усилия к тому, чтобы вверить ее покровительству французское королевство — сначала Людовик VI (1108–1137), а затем Людовик VII (1137–1180) стали постепенно вводить лилию в круг инсигний* и атрибутов французской монархии. В период второй половины правления Людовика VII — самого набожного из первых капетингских королей — лилию в качестве эмблемы и символа стали использовать активнее. Это еще не совсем геральдическая лилия, зато она уже в полной мере несет в себе как королевские, так и связанные с Богородицей коннотации. Отныне король Франции использует ее чаще, чем любой другой суверен. Наконец, когда два-три десятилетия спустя, на заре 1180-х годов, приближенные юного Филиппа Августа стали обдумывать королевский герб и подыскивать для него геральдическую эмблему, они, естественно, вспомнили об этой фигуре, которая уже была тесным образом связана с капетингской монархией при двух предыдущих королях и подчеркивала идею, что французское королевство находится под особым покровительством Царицы Небесной. Вопрос о том, с какого времени Филипп Август начинает использовать настоящий герб, усеянный лилиями, который затем перейдет и ко всем его преемникам вплоть до Карла V, остается открытым. С 1180 года, сразу после своего прихода к власти, как заставляет предположить присутствие лилии на оборотной стороне королевской печати? Или несколькими годами позже, в 1192–1295 годах, после возвращения из крестового похода? Или еще позднее, после 1200 года, во второй половине своего правления? При нынешнем состоянии источников ответить на этот вопрос трудно. На данный момент самым ранним изобразительным источником с щитом,

* Знаки могущества, власти или сана. — *Прим. ред.*

украшенным геральдическими лилиями, остается печать короля Людовика VII. Она ничего не говорит нам о цветах королевского герба. Их мы увидим только через несколько лет: верхний витраж Шартрского собора, датируемый 1215–1216 годами, впервые открывает нам цвета капетинского герба: *лазоревое поле, усеянное золотыми лилиями*²²⁵.

С какого бы времени *лазоревое поле, усеянное золотыми лилиями*, не было окончательно присвоено французской монархией, капетингский король, начиная с Филиппа Августа, благодаря этой цветочной эмблеме, которую он отныне делит с Богородицей, позиционирует себя через свою печать и свой герб как настоящего посредника между Небом и землей, то есть между Богом и подданными своего королевства. Это укрепляет его династический престиж и четко отражает его монархическую программу.

Космический узор

В течение нескольких веков королевская пропаганда, основанная на геральдических лилиях, будет вращаться вокруг следующей идеи: король Франции, отвечающий за спасение своих подданных, исполняет миссию, возложенную на него Богом; лилии, украшающие его печать и гербовый щит, свидетельствуют об этой миссии и подчеркивают религиозное значение королевской власти. Вследствие обряда коронации — в контексте которого лилии в изобилии встречаются на множестве предметов начиная с XIII века, — а также помазания священным миром, на короля Франции снисходит особая благодать и он перестает быть чисто светской особой²²⁶. Бог даже наделяет его силой творить чудеса: исцелять больных золотухой²²⁷. Король Франции не похож на других королей.

Сакральная природа французской монархии и *небесное* происхождение ее миссии выражаются на гербе через особое расположение цветков лилии на лазоревом поле. Со времен Филиппа Августа щит, знамя и одежда короля Франции украшены не одной или тремя лилиями — они *усеяны* лилиями, число которых четко не фиксировано. Эта особенность одновременно представляет собой и эмблему, и символ. Она эмблематична в том смысле, что отличает королевский герб от прочих гербов, также укра-

шенных лилиями. Кроме того, поле, усеянное фигурами, является собой оригинальный геральдический принцип расположения элементов: в ранней геральдике он встречается относительно редко, и король Франции оказывается единственным правителем на Западе, который применяет его для основной фигуры своего гербового щита. Но что еще важнее, такое расположение заключает в себе мощный символический заряд: это образ усыпанного звездами небосвода, звездное небо, космический рисунок, который опять-таки подчеркивает божественное происхождение этого герба и ту особую связь, которая существует между Царем Небесным и королем Франции — его представителем на земле. В средневековой иконографии поле, усеянное некими элементами, почти всегда ассоциируется с идеей сакрального. Оно противопоставлено, с одной стороны, одноцветному полю, которое в каком-то смысле является нейтральным, а с другой — полосатым, пятнистым или сегментированным полям, которые отмечены негативными коннотациями²²⁸. В королевском контексте усеянное фигурами поле ассоциируется с церемонией миропомазания и коронации и подчеркивает божественное происхождение власти. Но если большинство королей Запады коронуются в мантии, усеянной звездами, иногда в сочетании с полумесяцами (еще один космический узор), то король Франции этому правилу не следует: он помазывается и коронуется в мантии, усеянной лилиями, то есть в мантии с изображением собственного герба, которая обеспечивает ему покровительство Царицы Небесной (*илл. 26*)²²⁹.

Итак, французский королевский герб не является обычным гербом во многих смыслах. Герб этот по сути своей связан с Богородицей, как поясняется в ряде анонимных текстов с конца XIII века; ту же мысль вплоть до начала Нового времени будут повторять герольды, а затем историки на службе у короны, которые обнаружат в этом необычном гербе обширный символический материал, позволяющий выстраивать тончайшие идеологические конструкции. По сравнению с английским леопардом, львами Леона, Шотландии и Норвегии, замком Кастилии и имперским орлом, геральдическая лилия оказалась более удобным материалом, давшим пищу для богатой традиции толкования, поставленной на службу королевской пропаганде, и сыграла свою роль в том, чтобы представить короля Франции как единственного в своем роде суверена²³⁰.

Около 1375 года начинается новый этап, когда в королевском гербе поле, усеянное неисчислимым количеством лилий, уступает место полю с тремя большими лилиями. Новое расположение элементов, которого будут придерживаться до конца XVIII века и даже до более позднего времени, не возникло внезапно, как иногда полагали. Со времен Людовика VIII встречаются гербовые композиции, в которых число лилий уже было сокращено до трех. При двух следующих королях число таких гербов возрастает, особенно на печатях королевских чиновников и «функционеров». Иногда число лилий сокращается не до трех, а до одной или до шести, до четырех, до двух. На самом деле резчики печатей, ремесленники и художники останавливаются на таком количестве цветков, какое может уместиться в заданном пространстве, так что здесь нельзя вывести общую закономерность. Однако со времен Филиппа III (1270–1285) и особенно с 1300-х годов появляется, кажется, довольно четкое разделение между полем, усеянным лилиями, которое отсылает к королевской особе (в известных случаях к королевской семье) и несколькими лилиями, чаще всего тремя, которые отсылают к делегированной королевской власти, к правительству и даже к зарождающейся администрации²³¹. Подобный феномен наблюдается и в Англии во время долгого правления Эдуарда III (1327–1377): гербовый щит с тремя леопардами закреплен за королем и династией Плантагенетов, а его урезанные версии, с изображением одного или двух леопардов, используются для репрезентации правительственного аппарата — его винтиков, его институтов, людей, которые его обслуживают.

Во Франции сокращение числа лилий до трех связывалось с символикой Троицы. Действительно, между 1372 и 1378 годами Карл V утвердил это изменение, напомнив не о покровительстве, которое Дева Мария оказывает королю и королевству, а об «особом расположении святой Троицы к королевству Франции²³²». Это нововведение, возможно, было первым признаком того, что коннотации, связанные с Богородицей, объясняющие происхождение герба Франции, стали отходить на задний план. Карл VI, сын Карла V, был первым королем, который с самого начала своего правления (1380) носил на гербе три лилии. Однако даже в разгар XV века его дядья, кузены, племянники продолжали использовать гербовый щит, усеянный лилиями, и это свидетельствует о том, что он сохранил династическое значение, в противопо-

ложность новому гербу с тремя лилиями, имевшему значение монархическое и административное.

Цветок для всех

Король Франции, его семья и его представители — не единственные обладатели гербов с лилиями. С конца XII века этот цветок является полноправной гербовой фигурой, которая весьма часто встречается во многих районах Франции и западной Европы. Только лев, орел и две-три геометрические фигуры (пояс, правая перевязь, глава) используются чаще. С географической точки зрения, у геральдической лилии в Средние века есть любимые места распространения: северные Нидерланды, нижнерейнская низменность, Брабант, Артуа, Верхняя Бретань, Анжу, Пуату, Бавария и Тоскана. С социальной точки зрения, она главным образом появляется на гербах мелкой и средней знати и в качестве более или менее «геральдизированной» эмблемы на крестьянских печатях. А на печатях крестьян Нормандии, Фландрии, Зеландии, Швейцарии она даже является самым распространенным мотивом²³³. В этом случае она имеет мало общего с лилией короля Франции, Девы Марии и Троицы. Речь идет об обычном графическом мотиве, который используется в качестве индивидуальной или семейной эмблемы.

Между тем при Старом режиме было много рассуждений (а зачастую и спекуляций) на тему присутствия лилий на гербе той или иной семьи, того или иного человека, того или иного сообщества, в попытке найти данному обстоятельству подходящее объяснение. Некоторые авторы, подчас нанятые непосредственно обладателями гербов, смело выдумывали для них фиктивные генеалогии и славных предков, подкрепляя это заявлением об их отдаленном родстве с капетингской династией или же изобретая некую важную услугу, оказанную короне, в благодарность за которую последовало пожалование герба королем. По правде говоря, ничего подобного в документах мы не находим. Пожалование лилий королем Франции всегда было редкостью (укажем, к примеру, на пожалования лилий дому Альбре в 1389 году и семейству Медичи в 1465 году). В подавляющем большинстве случаев наличие лилий на гербе какой-либо семьи объясняется всего лишь высоким показателем распространения этой фигуры

на гербах той области, из которой происходит семья. Кроме того, лилия часто выполняет на гербовом щите ту же «техническую» роль, что и другие малые геральдические фигуры, такие как звезды, безанты, кольца, полумесяцы, ромбы: заполнение одноцветных полей, уравнивание композиции, различение похожих гербов, «сопровождение» или «обременение» геральдических фигур (креста, косога креста, правой перевязи, пояса и т. д.) и делений щита (пересеченного несколько раз, скошенного справа несколько раз, рассеченного несколько раз и т. д.). Для этого в одних областях предпочитают звезды, в других — кольца или полумесяцы, а в третьих — лилии²³⁴. Мода, как это обычно бывает в средневековой геральдике, в большей степени определяется географическими, нежели социальными границами. На некоторых гербах лилия может также играть роль «говорящей» фигуры, то есть обыгрывать имя человека, семьи или сообщества, которые ее используют. Связь может строиться на созвучии со словом «цветок» (латинское *flos*), как в случае с гербом Флоренции, засвидетельствованным с 1250-х годов*, или же со словом «лилия» (латинское *lilium*), как в случае с гербом Лилля, известным по печати конца XII века²³⁵ и до сих пор присутствующим в эмблематике этого города (илл. 16).

Между тем во Франции времен Республики городские геральдические лилии стали занимать более скромное место. Даже если они не имели никого отношения к королевским лилиям — как в случае с Лиллем, — они подчас продолжали уступать место другим эмблемам. Французская революция, объявив войну гербам, которые были отменены в июне 1790 года, сразу же после падения монархии 21 сентября 1792 года объявила войну и старинным королевским атрибутам, в частности венцам и лилиям. В течение нескольких месяцев последние подвергались, если можно так выразиться, «геральдическому террору». Так, в августе 1793 года с часовни Сен-Шапель в Париже был снесен великолепный шпиль, потому что он был украшен буквой L (инициал Людовика) и лилией²³⁶. В ответ на это роялисты, уже в революционный период, делают лилию своей эмблемой, каковой

* На гербе Флоренции геральдическая лилия появляется с 1250-х гг., однако в окончательном виде — в серебряном поле распутившаяся червлёная лилия — герб закрепляется только в XIV в.

она будет оставаться на всем протяжении XIX века и даже в первой половине XX столетия. Для различных роялистских движений, ратующих за возвращение монархического строя, характерно систематическое написание слова «лилия» в форме *lys*, которая считалась более древней и благородной (на самом деле, как в Средние века, так и при Старом режиме форма *lis* встречается ничуть не реже). До сих пор некоторые авторы с пристрастием относятся к французскому написанию имени столь символически насыщенного цветка как лилия: *fleur de lys* — не то же самое, что *fleur de lis*.

Растительная монархия

Если назвать французскую монархию «растительной монархией», не слишком ли далеко заведет нас эта метафора? Возможно, не так уж и далеко, если мы ограничимся средневековым периодом. Король Франции является одним из немногих христианских монархов, на гербе которого не фигурируют животные; более того, свои основные эмблемы и символы он черпает из растительного мира²³⁷. На первом месте стоит геральдическая лилия. Затем цветочный мотив во всевозможных видах, особенно в виде двух символических эквивалентов древа жизни — столь значимого для средневековой иконографии, — а именно цветущего жезла и украшенного цветами скипетра. Начиная с XI века они присутствуют на печатях капетингских королей и впредь будут сопутствовать правлению всякого суверена вплоть до Великой французской революции²³⁸. Затем пальмовая ветвь — христорологический атрибут и знак власти, — которая уже присутствовала в каролингской королевской символике и которую Капетинги постепенно модифицировали в короткий скипетр, а потом в руку правосудия²³⁹. Наконец, венец, который может быть украшен цветами или геральдическими лилиями множеством разных способов, но также может быть декорирован другими растительными мотивами (трилистником, пальметтами, листьями сельдерея). Все эти атрибуты присутствуют на печатях его величества, где через них позиционируются королевская особа, монархический идеал и династическая политика. Можно было бы добавить к этому ряду и другие растительные мотивы, встречающиеся на печатях иного типа и изображениях. Например, дре-

во Иисея*, имеющее важное значение для Сугерия, которое, начиная с XII века, столь часто ассоциируется с королевством лилий, что в конечном итоге становится настоящим иконографическим символом последнего. А несколько позже — изображение Благовещения (с непременным присутствием лилии) и богатый цветочный букет Девы Марии, занимающий в королевской иконографии позднего Средневековья видное место. И особенно многочисленные геральдические или окологеральдические эмблемы, которые с XIV по XVI век использовали короли и князья всех ветвей династии Валуа: цветы (розы, маргаритки, ирисы, васильки), а также различные листья, ветви дрока, падуба, розового куста, апельсиновое дерево и смородиновый куст, узловатый ствол или ствол без ветвей, шипы тернового венца Христа. Наконец, в этот перечень может быть включен знаменитый дуб Людовика, так как он представляет собой аутентичный символ отправления правосудия. Жуанвиль оставил нам весьма живое свидетельство, в достоверности которого не приходится сомневаться: «Летом после мессы он зачастую отправлялся в Венсенский лес и садился под дубом, прислонившись к стволу, и повелевал нам садиться вокруг него. И все тяжущиеся приходили с ним говорить, и ни стража, ни кто другой им не препятствовал²⁴⁰».

В общем, можно составить длинный список растений, к которым прибегала французская монархия, для того чтобы создать свой особый, неповторимый образ. Конечно, растения — не единственные символы, которые использовались с этой целью, однако они отчетливо свидетельствуют о сущности этой монархии, которая всегда стремилась выделиться на общем фоне, заявить о себе как о самой чистой, законной и священной. Отличиться, не быть обычным сувереном, не пользоваться общим набором королевских знаков отличия** — именно в этом состояла основная линия символического позиционирования, которой на протяжении столетий придерживались французские короли.

* Генеалогическое древо Иисуса Христа, распространенный сюжет в средневековом искусстве. Внизу композиции изображался Иисей (отец царя Давида), на ветвях — предки Христа, венчали композицию Дева Мария и Спаситель. — *Прим. ред.*

** Типичным в этом смысле был отказ от использования державы, которая была в ходу у всех прочих европейских монархов.